

*Жизнь научила меня тому,
что наша сопротивляемость
трудностям и страданиям
всегда больше, чем мы сами
от себя ожидаем.*

Мигел Соуза Тавареш «Экватор»

MIGUEL SOUSA TAVARES

EQUADOR

МИГЕЛ СОУЗА ТАВАРЕШ

ЭКВАТОР

Колониальный роман

УДК 821.134.3-31
ББК 84 (4Пор)-44
С67

Miguel Sousa Tavares
EQUADOR

Перевод с португальского Рината Валиулина

Дизайн обложки Натальи Васильевой

Соуза Тавареш, Мигел
С67 Экватор. Колониальный роман / Мигел Соуза Тавареш ; [пер. с пор.
Р.Ф. Валиулина]. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2025. — 576 с.

ISBN 978-5-389-27529-4

Начало XX века. Затерянная на экваторе португальская колония Сан-Томé и Принсипи столетиями пребывает в тропическом оцепенении. Прогресс и просвещение приходят туда внезапно, угрожая экономическим крахом и колонии, и метрополии, если британский консул обнаружит, что на плантациях практикуется рабство. С особой миссией от португальского короля на острова прибывает новый губернатор — столичный франт и ловелас Луиш-Бернарду Валенса.

Роман эпического размаха властно затягивает читателя в мир душевных тропиков и их колоритных обитателей — белых плантаторов и ангольских работников. Подобно дышащему влагой экваториальному лесу он насыщен интенсивными эмоциями, противоборством высоких и низменных чувств и коллизиями любовной истории, страстной и поэтичной.

Впервые опубликованный в 2003 году в Португалии, роман Мигела Соуза Тавареша (р. 1950) получил на родине статус лучшей книги десятилетия и удостоился престижной международной премии «Гринцане Кавур». С тех пор «Экватор» с неизменным успехом издается в десятках стран на одиннадцати языках. Созданный на основе романа многосерийный фильм получил высокие оценки зрителей во многих странах и стал самым успешным сериалом в истории португальского телевидения.

УДК 821.134.3-31
ББК 84 (4Пор)-44

ISBN 978-5-389-27529-4

© Miguel Sousa Tavares, 2003
© Валиулин Р. Ф., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025
КоЛибри®

*Экватор — линия, разделяющая земной шар
на северное и южное полушария; символическая черта,
служащая границей между двумя мирами;
предположительно, от старопортугальского
«é-cit-a-dor» — «с болью».*

I

На фоне уже случившихся событий обычно трудно удержаться от размышлений о том, какой была бы твоя жизнь, поступи ты по-другому. Если бы он знал, что судьба уготовила ему на ближайшее будущее, Луиш-Бернарду Валенса, вероятно, никогда не сел бы в поезд на станции Баррейру в то дождливое декабрьское утро 1905 года.

Однако сейчас, откинувшись в удобном, ярко-алом бархатном кресле купе первого класса, Луиш-Бернарду преспокойно созерцал проплывающий мимо пейзаж. Рельеф за окном становился более гладким, он все больше заселялся пробковым деревом и каменным дубом, столь характерными для ландшафта провинции Алентежу, а дождливые небеса, оставленные им в Лиссабоне, робко раскрывались светлыми прогалинами, из которых выглядывало умиротворяющее зимнее солнце. В эти ленивые часы путешествия в Вила-Визозу он пытался занять себя вялым, сквозь дрему, чтением *O Mundo*, своей ежедневной газеты, издания абстрактно-монархического толка с претензией на либерализм, обеспокоенного, судя по его названию, положением дел в мире и состоянием «элит, что нами управляют». В то утро *O Mundo* рассказывала об охватившем французское правительство кризисе, связанном с ростом расходов на строительство Суэцкого канала, который инженер Лессепс продолжал неустанно копать, словно одержимый безумец, без сколько-

нибудь различных на горизонте сроков завершения процесса. Было также сообщение о праздновании очередного дня рождения короля Эдуарда Седьмого, церемонии, проведенной в узком кругу высокопоставленной Семьи, среди посланий с поздравлениями от всевозможных королей, раджей, шейхов, мелких местных правителей и племенных вождей этой огромной Империи, над обширной территорией которой, как напоминала *O Mundo*, никогда не заходило Солнце. В том, что касается Португалии, газета извещала об очередной карательной операции против аборигенов на востоке Анголы — еще одном эпизоде той чудовищной неразберихи, в которой эта колония с трудом пыталась выжить. Во дворце Сан-Бенту среди депутатов опять произошла межпартийная потасовка между «регенеративистами»¹ Хинтце Рибейру и «прогрессистами» Жузэ-Лусиану де-Каштру по поводу так называемого «цивильного листа» — бюджета, предназначенного на содержание королевской семьи, который, похоже, еще ни разу не смог удовлетворить соответствующие финансовые запросы... На этих строчках Луиш-Бернарду отложил газету в сторону и предпочел вновь вернуться к размышлениям о том, что же заставило его сесть в этот поезд.

Ему было 37 лет. Он был холост и вел себя далеко не образцово, хотя всегда в соответствии с обстоятельствами и прирожденной воспитанностью: пара хористок и балерин, чья известность соперничала с ходившими о них слухами, случайные официантки из Байши, старой части города, две-три замужние дамы из высшего общества, а также одна широко обсуждаемая сопрано из Германии, проходившая трехмесячную стажировку в театре Сан-Карлуш. В ее любовном

---

¹ Две основные политические партии, сменявшие друг друга во власти в период конституционной монархии в Португалии на рубеже XIX–XX веков. (Здесь и далее — примечания переводчика).

списке наш герой числился далеко не единственным. Был он склонен, впрочем, не только к авантюрам вокруг женских юбок, но и к меланхолии.

В 22 года он закончил курс права в Университете Коимбры, однако, к великому разочарованию своего отца, теперь уже покойного, наметившаяся юридическая карьера свелась всего лишь к непродолжительной стажировке в конторе одного уважаемого адвоката из Коимбры, которую он поспешно покинул, навсегда оставив это, как предполагалось, призвание. Вдоволь надышавшись конторской духотой, он вскоре покинул свое рабочее место с чувством небывалого облегчения оттого, что наконец освободился от этого, с позволения сказать, призвания.

Вернувшись в родной Лиссабон, Луиш-Бернарду испробовал самые разные занятия, пока не получил в наследство от родителя пост главного акционера Островной Навигационной Компании, владевшей тремя морскими судами водоизмещением около двенадцати тонн каждое, которые перевозили грузы и пассажиров между Мадейрой и Канарами, а также Азорскими островами и Островами Зеленого мыса. Здание компании располагалось в конце улицы Алекрим, ее три с половиной десятка служащих были рассыпаны по четырем этажам строения эпохи Маркиза де-Помбала¹. Собственный же кабинет нового совладельца представлял собой просторный зал, окна которого разверзлись над рекой Тежу. Он часто и внимательно смотрел на нее, словно служитель берегового маяка — изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Поначалу Луиш-Бернарду искренне верил, что управляет из своей конторы атлантической армадой, а то и судьбами мира: по мере того как его суда слали в контору

---

¹ Маркиз де-Помбал, премьер-министр правительства Португалии в середине XVIII века, сделавший много для восстановления столицы страны после опустошительного лиссабонского землетрясения 1755 года.

телексы и радиосообщения, он помечал их местонахождение маленькими флажками, которые втыкал в огромную карту, висевшую на дальней стене зала, изображавшую все восточное побережье Европы и Африки. Некоторое время спустя то, где находились в каждый конкретный день «Каталина», «Катарина» и «Катавенту», перестало его волновать. Он оставил свои кропотливые манипуляции с картой и флажками, хотя по-прежнему, с постоянством, достойным глубоко убежденного человека, продолжал появляться на церемониях проводов и встречи судов Компании на причале Роша Конде де-Обидуш. Лишь однажды, то ли из любопытства, то ли по долгу службы, ему пришлось оказаться на борту одного из своих кораблей. То был поход в порт Минделу на острове Сан-Висенте и обратно. В пути их застиг шторм, и путешествие оказалось далеко не комфортным. В конце пути перед ним предстал кусок опустошенной, абсолютно голой земли, где европейцу, его современнику, не на чем было остановиться хоть мало-мальски заинтересованный взгляд. Ему объяснили, что это еще не совсем Африка, что это, скорее, обломок луны, случайно упавший в океан. Однако прежнее желание его отправиться дальше, навстречу этой самой Африке, о которой ему так много и страстно рассказывали, стало иссякать.

Так и пребывал он, казалось, уже целую вечность то в конторе на улице Алекрим, то у себя дома, в районе Сантуш, вместе с гувернанткой, унаследованной им от родителей, не устававшей повторять, что «юноше нужно жениться», а также с помощницей по кухне, девицей из провинции Бейра-Байша, страшной, как дикобраз. Обедать Луиш-Бернарду обычно ходил в свой любимый клуб в лиссабонском районе Шиаду, ужинал, как правило, в «Браганса» или «Грэмиу», однако иногда он также любил остаться дома, в умиротворяющей тишине и одиночестве. Не забывал он

и о дружеских посиделках за картами, об официальных визитах в семейные дома, посещал время от времени театральные постановки в Сан-Карлуше, а также клубные праздники в *Turf* или *Jockey*. В обществе Луиш-Бернарду слыл общительным, остроумным, интеллигентным и добропорядочным консерватором.

Он проявлял страстный интерес к мировым событиям и, поддерживая его, выписывал пару журналов, один на английском, другой на французском — языках, которыми он свободно владел, что в Лиссабоне тогда было явлением довольно редким. Интересовал его и так называемый Колониальный вопрос. Прочтя все материалы по Берлинской конференции, когда проблема заморских территорий стала предметом страстных публичных дискуссий, особенно на фоне английского Ультиматума¹, он опубликовал пару статей в *Mundo*, которые потом широко цитировались и обсуждались. Читатели особо оценили подмеченный автором контраст между холодностью и уравновешенностью, которыми отличались господствовавшие в свете патриотические и антимонархические призывы, и явной снисходительностью стороннего наблюдателя, проявленной тогда королем Доном Карлушем.

Луиш-Бернарду выступал за современный колониализм, основанный на товарных отношениях и на эффективной эксплуатации африканских ресурсов. Все это Португалия должна гарантировать высоко профессиональной деятельностью своих

---

¹ В ответ на территориальные претензии Португалии на географическое пространство между ее колониями Анголой и Мозамбиком и на намерение занять нынешние Зимбабве и Малави, сделав таким образом своими все территории между западным и южным берегом Африки, Лондон ультиматумом от 11.01.1890 года потребовал вывести португальские войска из региона. Политический провал короля с так называемой «розовой картой» привел к народно-патриотическим волнениям и значительно укрепил позиции республиканцев.

компаний и предприятий, видящих в том, что они делают, свое призвание и глубоко осознающих цивилизаторский характер свой миссии. В противовес такому подходу автор горячо осуждал «намерения тех, кто, не представляя из себя ничего здесь, *там* становился маленьким местным царьком, перестав быть европейцем на службе у своей родины, олицетворяющим цивилизацию и прогресс».

Его статьи становились предметом горячих обсуждений между «европеистами» и «африканистами», и слава, обрушившаяся на него тогда, убедила его пойти дальше и опубликовать работу, в которой были объединены статистика, относящаяся к последним десяти годам торгово-импортных сделок с африканскими колониями. Эти данные подтверждали вывод автора о том, что такой вид коммерции является для Европы примитивным, равно как и недостаточным для того, чтобы удовлетворить потребности страны: вместо рациональной эксплуатации колоний мы уже давно наблюдаем бездумное разбазаривание заморских богатств. «Недостаточно объявить на весь мир, что вы — колониальная империя, — заключал Луиш-Бернарду. — Важно доказать, почему вы достойны того, чтобы иметь и сохранять ее».

Последовавшие за этим дебаты были довольно страстными и активными. Находившийся по другую сторону линии фронта Кинтела Рибейру, «африканист», владелец обширных фазенд в Мосамедеше¹, решил опубликовать ответную статью в газете *Clarim*, спрашивая о том, «какими знаниями об Африке, кроме университетских, может располагать уважаемый Валенса?» Используя его же фразу против него самого, полемист делал следующий вывод: «Недостаточно просто заявить на весь мир, что у вас есть голова. Важно также доказать, почему ваши плечи достойны иметь и сохранять ее».

---

¹ Город на юге Анголы.

Фраза Кинтелы Рибейру и сама дискуссия, вызванная выступлениями в прессе Луиша-Бернарду, стала его своеобразной визитной карточкой, потому что, на самом деле, многие в Лиссабоне давно уже считали, что человеку его возраста, с такими талантами, умом и информированностью слишком расточительно тратить лучшие годы своей жизни, созерцая из окна водную гладь Тежу или затевая амурные хороводы то здесь, то там ради очередной победы.

Теперь, несколько месяцев спустя, все это уже осталось позади. Луиш-Бернарду не без видимого облегчения вернулся к своей ежедневной мирной жизни: дискомфорт от того, что он оказался в центре публичной полемики, докучал ему куда больше, чем ставшие ее результатом слава и восхищение. Последнее он получил сполна, и затем все это преобразовалось в слишком частые приглашения на ужин, где ему приходилось выслушивать глупые рассуждения о «колониальном вопросе», завершавшиеся неизменным вопросом: «А вы-то что думаете на этот счет, Валенса?»

Находясь в поезде Лиссабон — Вила-Висоза, Луиш-Бернарду думал о присланном ему королем через своего секретаря, графа де-Арнозу, странном приглашении прибыть в ближайший четверг во Дворец на обед. Входивший в знаменитый политический кружок «Побежденные жизнью»¹ Бернарду де-Пиндела, граф де-Арнозу, причастный к ажиотажу, охватившему несколько лет назад интеллектуальную жизнь страны и оказавший Валенсе неожиданную честь, посетив его кабинет в конторе Островной компании, передал приглашение, ограничившись только следующим пояснением:

---

¹ «Побежденные жизнью» («Vencidos da vida»), неформальное политическое течение, объединявшее выдающихся представителей португальской культуры конца XIX — начала XX века. Его сторонники считали себя разочарованными в социалистических идеалах времен своей молодости, отстаивая позиции просвещенного аристократизма. Группа имела некоторое политическое влияние на правящую королевскую династию.

— Мой дорогой, надеюсь, вы понимаете, что я не вправе разглашать то, что намерены сказать вам Его Величество. Знаю лишь, что дело относится к разряду важных, и король убедительно просит вас сохранять в тайне информацию о предстоящей встрече. В остальном же, надеюсь, что поездка в Вила-Висозу позволит вам слегка проветриться и отвлечься от лиссабонской атмосферы. Кроме этого, могу вам гарантировать, что обеды там весьма недурные.

И вот, таким образом, сейчас он едет во Дворец графов Браганских, расположенный в центре Алентежу, в настоящей глуши, по тем временам, где Сеньор Дон Карлуш ежегодно проводил осень и зиму за тем, что называют спортивной охотой. Занятию этому, как утверждали злые языки в среде столичных республиканцев, король отдавался, отвлекаясь от тех довольно редких моментов, когда он все-таки снисходил до дел государственных.

Луиш-Бернарду был почти одного возраста с королем, но, в отличие от последнего, был худощав и элегантен. Его манера одеваться отличалась той самой умеренностью, которая, в сочетании с кажущейся небрежностью, характеризовала его как настоящего джентльмена. Дон Карлуш Браганский скорее напоминал простака, разодетого королем, в то время, как Луиш-Бернарду казался принцем, которого переодели в одежду буржуа. Все в нем, начиная с фигуры, того, как он одевался, как ходил, выдавало суть его отношения к жизни. Его заботил внешний вид, однако не настолько, чтобы это становилось предметом неудобства, он следил за модой, за тем, что происходило вокруг, но это не становилось поводом для того, чтобы отказаться от своих собственных оценок. Его удручало, когда его не замечали; при этом находиться в центре внимания, быть тем, на кого показывают пальцем, тоже казалось ему некомфортным. Ему было свойственно не питать чрезмерных амбиций, что, вероятно, можно было бы

назвать и его недостатком. Тем не менее, глядя на себя со стороны, насколько это было возможно и насколько позволяло собственное тщеславие, Луиш-Бернарду осознал, что на несколько ступеней превосходит свое окружение: он был более образованным, чем многие, стоявшие социальной ступенью ниже него, а с другой стороны — более интеллигентным, воспитанным и цельным, чем те, кто над ним возвышался.

Шли годы, а с ними проходила и его молодость. Как в любви, так и в жизни: женщины, которых он считал неотразимыми, порождали в нем убежденность в том, что он их не достоин. Те же, кого он считал для себя доступными, вызвали разочарование. Однажды он даже стал женихом одной очень молодой особы, красивой, обладавшей разрушительно пышной девичьей грудью, вздымавшейся поверх декольте, в безднах которого не раз блуждал его взгляд и даже пару раз — руки, когда, уткнувшись лицом, он распаковывал его содержимое, дабы, наконец, поглотить его глазами, отбросив в сторону всякое целомудрие.

Он дошел до того, что подарил ей кольцо по случаю помолвки. Была даже оговорена ее дата — между тетушкой Гиомар, которая иногда выступала в роли его матери, и так и не состоявшимся тестем. Дальше этого дело не зашло, поскольку Луиш-Бернарду неожиданно наткнулся на редчайшее невежество своей невесты, которая, как оказалось, путала Берлин с Веной и была уверена, что Франция до сих пор является монархией. Когда он только представил себе череду лет, проведенных в обществе этой пышногрудой голубки, вялые и тягучие семейные приемы, пустые идиотские разговоры и обязательные воскресные застолья в доме у тестя, он тут же дал обратный ход, не удосужившись подобрать для этого ни удобного случая, ни элегантных объяснений. Случилось это в «Грэммиу», при полном зале, под крики

и оскорбления «голубкиного» отца. Он тихо ушел, глубоко подавленный, но с явным чувством облегчения, справедливо думая про себя, что, несмотря на неминуемые пару недель сквернословия в его адрес, впереди его снова ожидает целая жизнь. Этим эпизодом, собственно, и закончились его попытки наладить то, что некоторые называют «совместной жизнью».

Итак, благодаря providению, теперь в поезде на Вила-Висозу он ехал в одиночестве, ощущая себя свободным хозяином собственной судьбы. Луиш-Бернарду вытянул свои длинные ноги вперед к сиденью напротив, вытащил из кармана пиджака серебряный портсигар, а из него — тонкую, длинную сигарету из азорского табака, достал из жилета коробок спичек, прикурил и затянулся дымом, неспешно и чувственно. Он был действительно свободным человеком: не женатым, не входящим ни в одну партию, без долгов и кредитов, без состояния, но и не стесненным в средствах, не отягощенным ни легкомыслием, ни непомерными соблазнами. Что бы король ни имел ему сказать, предложить или приказать, последнее слово всегда останется за ним. Сколько человек среди его знакомых могли похвастаться подобным?

* * *

В тот самый вечер, например, у него был запланирован традиционный ужин с друзьями в отеле «Центральный». Обычная, почти семейная вечеринка с разношерстной публикой, состоящей из мужчин в возрасте от 30 до 50 лет, которые каждый четверг собирались здесь отужинать, вкушая местные изысканные блюда, обсуждая мировые новости и недостатки собственного королевства. Обычные ритуальные посиделки мужчин, в чем-то похожих на самого Луиша-Бернарду: серьезные, но не скучные, беззаботные,

но не беспечные. Однако именно в тот вечер у него была особая причина, заставлявшая его с нетерпением ожидать встречи с друзьями, почему он и наметил свое возвращение на пятичасовом поезде, надеясь, что привычные для таких сборищ опоздания позволят ему прибыть в «Центральный» вовремя. Луиш-Бернарду ожидал, что один из членов их четверговой группы, его друг на все времена, еще со школы, Жуан Фуржаж, принесет ему наконец ответ от своей двоюродной сестры, Матилды. Они познакомились летом в Эрисейре на балу у их общих друзей, лунной ночью — прямо как в любовном романе. Увидев тогда, как Жуан идет к нему через зал под руку с Матилдой, Луиш-Бернарду вдруг внутренне содрогнулся от предчувствия какой-то неминуемо грядущей опасности.

— Луиш, это моя кузина Матилда, о которой я тебе как-то рассказывал. — А это — Луиш-Бернарду Валенса, один из самых скептически настроенных представителей моего поколения.

Она улыбнулась такому замечанию кузена и взглянула на Луиша-Бернарду, посмотрев ему прямо в глаза. Матилда была почти того же роста, что и он, сам по себе довольно высокий мужчина, ее жесты и улыбка выдавали в ней еще довольно юную девушку. Не более двадцати шести, — подумал он, зная при этом, что она уже замужем и имеет детей. Он также знал, что муж ее работает сейчас в Лиссабоне, а она здесь на отдыхе со своими двумя детьми.

Наклонившись, он поцеловал протянутую ему руку. Луиш-Бернарду любил разглядывать руки, которых касался губами. Он увидел перед собой тонкие и длинные пальцы, на которых запечатлел свой поцелуй — чуть более долгий, чем того требовала обычная в таких случаях учтивость.

Подняв глаза, он убедился, что она, снова улыбнувшись ему, не отвела взгляда в сторону.

— А что значит быть скептически настроенным? То же, что быть усталым?

Жуан ответил за него, оставив другу право на дополнительную реплику.

— Быть усталым, для Луиша?! Это вряд ли. Есть вещи, от которых он никогда не устает, правда, а?

— Да. Например, я никогда не устаю любоваться красивыми женщинами.

Эта фраза прозвучала не как простой комплимент, а, скорее, как начало словесной баталии. В воздухе повисла неловкая тишина, и Жуан Фуржаж воспользовался ею, чтобы отступить назад:

— Ну что ж, я вас представил. Разберитесь теперь сами со скептицизмом, а я пока возьму что-нибудь выпить. Только, моя дорогая кузина, будь осторожна: я не уверен, что этот мой гастролирующий скептик, в оценках окружающего зала, может стать тебе подходящим компаньоном. В любом случае, даже если вы вдруг почувствуете себя неловко, я вас не брошу и скоро вернусь.

Она наблюдала, как Жуан удалялся, и, несмотря на ее работанную уверенность в поведении, Луиш-Бернарду заметил, что во взгляде ее промелькнула некая мрачноватость, а голос, когда она снова обратилась к нему, прозвучал с едва заметной ноткой неподвиженного беспокойства:

— Это и есть тот самый момент неловкости?

Луиш-Бернарду почувствовал, что его фраза о красивых женщинах оказалась неуклюжей, неприличной и лишь напугала ее. С нежностью в голосе он ответил:

— Конечно же, нет. Ни для меня, ни, я уверен, для вас. Да и с чего бы? Понятно, что вы со мной не знакомы, однако могу заверить вас, что цель моей жизни отнюдь не в том, чтобы бродить по свету и причинять зло другим людям.

Это признание прозвучало настолько искренне, что она, похоже, моментально расслабилась.

— Ну, и славно. Тогда скажите мне, просто из любопытства, почему мой кузен считает вас не слишком подходящей компанией?

— Он сказал: в оценках зала. А они, люди в зале, как вы знаете, никогда не бывают невинными, даже когда речь идет о том, что принято считать невинностью на все сто процентов. В этом конкретном случае, как я предполагаю, неприличным могут посчитать тот факт, что вы замужем, а я холост, и что мы сейчас с вами вдвоем ведем беседу этой фантастической ночью...

— Ах, вот оно что! Приличия! Оказывается, об этом он говорил. Вечные приличия. А ведь в этом, судя по всему, и заключается суть всего происходящего в нашем обществе.

Теперь наступил черед Луиша-Бернарду взглянуть ей прямо в глаза. Его взгляд смутил ее. Он казался пропитанным внезапно нахлынувшим унынием, беззащитным одиночеством, которое и привлекало, и отталкивало. Произнесенные им далее слова были отмечены все той же искренностью, которая чуть ранее так легко обезоружила ее.

— Послушайте, Матилда, приличия и всякое подобное, вне сомнения, выполняют отведенную им роль в общественной жизни. Я не собираюсь менять мир и правила, которые, вполне очевидно, обеспечивают если не счастье людей, то по крайней мере их спокойную жизнь. Я часто хотел, чтобы эти правила не были бы столь многочисленными или столь основательными, отчего жизнь наша иногда путается с ее видимостью. Однако, думаю, мы всегда вольны выбирать и принимать те или иные ограничения. Я, по крайней мере, уверен: у меня такой выбор есть. И именно поэтому я считаю себя свободным человеком. Однако же я живу среди других и принимаю их правила, даже если иногда они

и не являются моими. Вот что я вам скажу, Матилда: вы — кузина Жуана, и он вас очень любит. Жуан был и всегда будет моим лучшим другом. Естественно, мы говорили с ним о вас, и, кстати, он всегда говорит о вас с особым вдохновением и нежностью. Не буду от вас скрывать, что именно поэтому мне всегда было любопытно познакомиться с вами. И сейчас, когда я вас узнал, я лишь могу засвидетельствовать: вы намного красивее, чем он описывал, а, кроме этого, вы мне кажетесь красивой как внешне, так и внутренне. Высказав вам эти похвалы, я не хотел смутить вас, и поэтому я отведу вас к Жуану. Мне было очень приятно с вами познакомиться. Тем более что за окном — по-настоящему прекрасный вечер.

Он элегантно склонил голову и сделал шаг вперед, чтобы подождать, пока она будет готова последовать за ним, но вместо этого услышал ее горячий, чуть сдавленный, но при этом неожиданно твердый голос:

— Подождите же! От чего вы бежите? От чего, в конце концов, вы — человек, называющий себя свободным? — Хотите защитить меня от возможной опасности?

— Наверное, да. А что, разве в этом есть что-то плохое? — Он хотел оставаться столь же твердым, однако теперь уже сам чувствовал, что для полной уверенности ему чего-то не хватает.

— Нет. Просто кавалеры так обычно не поступают. Я вам очень благодарна, но я не люблю, когда меня пытаются защищать от того, чего не существует. Простите, но в таком случае и в контексте всего нашего разговора ваша обеспокоенность для меня почти что оскорбительна.

«Боже мой, и чем же все это может закончиться?» — подумал про себя Луиш-Бернарду. Остановившись на месте как вкопанный, он уже не понимал, что ему следует говорить или делать. Остаться? Уйти? «Вздор какой-то! Я сейчас

Литературно-художественное издание   Эдеби-көркем баслым
Массовое издание   Бұқаралық баслым

ЗАРУБЕЖНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ FICTION

Мигел Соуза Тавареш

ЭКВАТОР

Колониальный роман

Заведующий редакцией *О. Ро*
Ответственный редактор *И. Музыка*
Выпускающий редактор *А. Никтовенко*
Технический редактор *Л. Симицына*
Корректоры *Е. Бударгина, А. Брусник*
Верстка *В. Брызгалова*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 24.12.2024.
Формат 60×90^{1/16}. Гарнитура «Caslon 540 BT». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,28.
Тираж 3000 экз. О-DCF-36537-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» – обладатель товарного знака «КоЛибри» 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ – «КоЛибри» тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.   Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай баслымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»
от 29.12.2010 г. не распространяется.

«Балаларды денсаулығы мен дамуына зиян келтіретін ақпараттан қорғау туралы»
29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заңы қолданылмайды.